

ДЕМОСФЕН

(ок. 384 — 322 до н. э.)

Древнегреческий оратор
и политический деятель

Демосфен родился в Афинах в 384 году до н. э. Его отец происходил из небольшого городка Пеани близ Гиметта и владел двумя мастерскими, в которых с полсотни рабов занимались производством оружия и мебели. Семи лет от роду Демосфен потерял отца и вместе с матерью и пятилетней сестрой остался под опекой двух родственников и одного старого друга дома, которые, как это часто бывало во все времена, очень недобросовестно отнеслись к своим обязанностям и расхитили его имущество почти дотла.

В результате оказалось, что ко времени достижения Демосфеном совершеннолетия – на 18-м году жизни – от довольно крупного по тогдашним временам наследства в 14 талантов, не считая нарощих за 11 лет процентов,

остались одни крохи.

Демосфен должен был искать себе какое-нибудь доходное занятие и решил посвятить себя адвокатуры: при тогдашней всеобщей страсти к тяжбам это было прибыльной профессией.

Первые его попытки выступить перед широкой публикой были довольно плачевны. Хилый и узкогрудый с раннего детства, он не был способен на те усилия, которые требуются от оратора, выступающего в больших и многолюдных собраниях: его тихий и слабый голос, легко переходивший в фальцет, прерывался болезненной одышкой, его речь, и без того невнятная и неровная, уродовалась еще неприятной картавостью и нечистым произношением, а нервозность и нерешительность ча-

сто заставляли комкать целые фразы, вызывая нечто вроде заикания. К тому же его жесты и общая манера держаться на трибуне далеко не отличалась величием и красотой: он имел привычку подергивать плечом, нескладно размахивать руками и двигаться взад и вперед с угловатой неловкостью. Он, однако, не пал духом и принялся за исправление своих недостатков. Для укрепления легких он взбирался по несколько раз в день на гору, для расширения связок произносил длинные декламации, стоя на берегу моря и стараясь звуком своего голоса заглушить шумный прибой волн, а для приучения языка к чистому произношению набирал мелкие камешки в рот и в таком положении произносил целые тирады. С целью выработать приличную жестикуляцию он запирался на целые месяцы в подземную хижину, где никто не мог ему мешать, и там с полуобритой головой – дабы не могло быть искушения бросать занятия и выходить на свет – упражнялся перед зеркалом, изучая малейшие свои движения и подвесив над своим плечом заостренный меч.

Первая речь, с которой он выступил на политическом поприще (не считая немногих чисто судебных речей до этого), относится к 354 году, когда ему шел уже тридцатый год. Собственно говоря, и эта речь была произнесена в зале суда, но ввиду ее политического содержания она смело может быть признана началом политической деятельности Демосфена. Речь шла о законе Лептина, в силу которого ни один афинский гражданин, за исключением потомков тираноубийц Гармония и Аристокитона, не мог быть освобожден от «литургий» – так назывались почетные повинности вроде постановки хоров и т. п., которые возлагались на богатых и от которых последние отлынивали, ссылаясь на свои заслуги и другие обстоятельства, даровавшие по прежнему закону льготы по выполнению этих обязанностей.

Его усилия, однако, пропали даром: нет данных думать, что закон Лептина был отменен. Вторая из его политических речей, произнесенная несколькими месяцами позже, делает нашему оратору гораздо больше чести и как человеку, и как политику, нежели первая. Поводом к ней послужил ложный слух о готовящемся нашествии персидского монарха, который, собрав будто бы большой флот в 300 кораблей и значительный контингент греческих наемников, решил жестоко наказать афинян за помощь, оказанную мятежному персидскому сатрапу Артабазу. После первых моментов испуга афиняне перешли в воинственное настроение и стали требовать немедленного объявления войны. Тогда выступил Демосфен и произнес речь, известную под названием «О симмориях». Он требовал от своих сограждан усилий в деле объединения Греции и специальных жертв с целью реорганизации военного ведомства, чтобы 1200 богатейших граждан, подразделенных на 20 частей («симморий»), которые были круговой порукой ответственны за правильное поступление государственных доходов, переняли в свое ведомство и военную кассу со всей связанной с нею организацией военного дела. Как раз в это время на Грецию надвигалась полоса грозных событий, центром которых явился Филипп, царь македонский. Он вступил на престол в 359 году и через какие-нибудь два года успел не только отразить многочисленных врагов, угрожавших ему изнутри и извне, но и значительно расширить пределы Македонии за счет ее соседей. Этим, равно как и рядом административных и военных реформ, он поднял свою полудикую страну до степени сильнейшего государства на севере Балканского полуострова. Но и этого было недостаточно: его зоркий ум рано увидел существенную важность для Македонии морского берега, без которого ее горное и пастушеское население навеки осуждено было бы влачить варварское суще-

ствование. И он решил пробиться к морю и ради этого даже вступить в борьбу с Афинами, первой морской державой своего времени. Он прежде всего остановил свое внимание на Амфиполисе, цветущем городе на северном берегу Эгейского моря, и в 357 году взял хитростью этот город. Афиняне объявили Македонии войну. Они видели в лице Филиппа одного из тех незначительных соперников, которых много было в самой Греции, не подозревая, что борьба, в которую они вступали с легким сердцем, окончится после многих перипетий разрушением свободной жизни Эллады. Демосфен разделял всеобщую ошибку, это видно из его речи против Аристократа, которую он держал в 352 году, незадолго до нападения Филиппа на Фермопилы.

Демосфен отзывался о македонском царе как о незначительном противнике, с которым нетрудно разделаться при небольших усилиях со стороны афинского народа. Однако его следующая речь, произнесенная в 351 году, обнаруживает довольно сильную перемену в тоне. Филипп в это время успешно действовал во Фракии, куда удалился при отступлении от Фермопил с двойной целью – овладеть этим важным краем и парализовать хлебную торговлю Афин с Византией. После некоторых чрезвычайно удачных маневров он осадил соседний с Херсонесом город и этим так встревожил афинян, что они вышли из своей обычной апатии и послали против него большой флот, вотивовав для покрытия расходов чрезвычайный поимущественный налог в 60 талантов. Но энтузиазм продолжался недолго: в Афинах распространился слух о внезапной смерти Филиппа, и этого было достаточно, чтобы вернуть прежнее беспечное настроение и остановить военные приготовления. Тогда-то, неожиданно для всех, выступил в народном собрании Демосфен и произнес свою великую речь – первую в знаменитой серии «Филиппик». Языком, поразительным по

своей точности, в котором пафос перемежается с остротами и страсть чередуется с насмешкой, развертывает он полную драматизма картину борьбы с Филиппом – ее вероятные осложнения в будущем, ее настоящий ущерб для Афин и грядущую опасность для всей Греции. Он страстно упрекает народ в апатии, указывает на необходимость жертв, материальных и личных, и замену наемных орд регулярными армиями из самих граждан. Впечатление от речи было огромное, но так как дело шло о людях и деньгах, то на этом дело и кончилось: его предложения не были приняты, и афиняне продолжали кампанию по-прежнему – нехотя и спустя рукава. Результатом этого были дальнейшие успехи Филиппа. В 349 году, спустя два года после названных событий, он осадил Олинф на полуострове Халкидика, один из самых важных стратегических пунктов Греции. Осажденные обратились за помощью к афинянам и Демосфен держал три речи, дошедшие до нас под названием олинфских. В первых двух – в 349 году – он с прекрасным пониманием дела определяет место, которое захват Олинфа занимает в общем плане Филиппа, рисует гибельные последствия и указывает, что если Олинф будет занят Филиппом, то ему откроется дорога в саму Аттику. Эти речи возымели некоторое действие: афиняне снарядили небольшую наемную армию в 2 тысячи человек и послали в Халкидские воды эскадру.

Весной 348 года она одержала несколько незначительных побед. Афинян, искавших предлог, чтобы вернуться к своему прежнему беззаботному состоянию, эти победы вполне удовлетворили, и мы вновь застаем Демосфена на ораторской трибуне – упрекающим своих сограждан в недостатке выдержки и в неумении понимать происходящее перед их глазами. На этот раз афиняне действительно взялись за дело, оснастили сильный флот из 50 трирем и послали к Олинфу армию из 10

тысяч наемников и 4 тысяч граждан. Но помощь прибыла слишком поздно: в осажденном городе произошла измена и Олинф пал (347 г.). Здесь оканчивается первый период деятельности Демосфена как политического оратора и государственного человека. Он понял замыслы Филиппа, с одной стороны, и причины слабости своих соотечественников – с другой, и отныне вся его жизнь представляет одну сплошную непрерывную борьбу как с одним, так и с другими.

Падение Олинфа было сигналом к началу мирных переговоров. Давно уже афиняне чувствовали усталость от долголетней борьбы, но теперь к этому присоединялось еще и то обстоятельство, что в руки неприятеля попало множество пленников, которых надлежало выкупить, и что сам Филипп стал делать авансы, имея в виду обезоружить афинян и отвлечь их внимание от Фермопил. Тяготение к нему все более усиливалось, и этому настроению в значительной степени содействовала возникшая около того времени новая политическая партия, известная под названием македонофильской. Сложившись на почве реальных интересов, для которых не было помехи хуже войны, эта партия первоначально поставила своим девизом «мир во что бы то ни стало», а затем, ввиду того что единственным врагом Афин был в это время македонский царь, постепенно перешла к агитации за прекращение враждебных действий против Филиппа и заключение с ним союза. Этим она, естественно, играла на руку лукавому македонцу, парализуя всякие патриотические стремления и усилия к борьбе: некоторые из ее членов даже открыто продались Филиппу, получая от него инструкции и деньги, – тем не менее среди ее членов было много честных и искренно убежденных людей, которые верили в свою политику как в единственно верную и благотворную для Греции. В этой партии по своим достоинствам и нравственным качествам вы-

делялись два человека, которые представляли обе только что упомянутые категории. Один из них был Эсхин, наиболее блестящий после Демосфена оратор, но во всем ему прямая противоположность. Незнатного происхождения, шестью годами старше своего соперника, он одной силой своего таланта и энергии добился огромного влияния на народ, пройдя через ряд унижительных по тогдашним понятиям профессий и занятий – он работал актером, школьным учителем и писцом. Атлет, с величественной фигурой, мощным голосом и необыкновенной способностью говорить экспромтом, он сразу увлекал за собой публику и был способен одним словом успокоить бушующее море народного собрания или взволновать его и вывести из апатии. Его речи не отличались ни достоинством, ни строгостью формы, но страстный, неудержимый поток его красноречия, не останавливающийся ни перед вульгарностью, ни перед ложью, нравился простому народу иной раз больше, нежели строго уравновешенная речь Демосфена. Начав с оппозиции Филиппу и попытавшись даже составить против него в 347 году коалицию из Пелопоннесских государств, Эсхин вскоре убедился, что такая роль вряд ли может оккупиться. Быстро переменяв фронт, он вступил в ряды македонофильской партии и впоследствии сделался тайным эмиссаром и доверенным македонского царя. Не таков был другой из вождей партии мира – Фокион, Этот человек был последним представителем того типа древних греков, которые умели одинаково хорошо владеть мечом и словом и были образцовыми как в своей частной, так и в политической жизни. Отличаясь в эту эпоху безвременья и корысти неподкупностью, серьезностью и справедливостью, он внушал народу такую любовь и уважение, что 45 раз был выбран в стратеги – честь, которой не удостоился и сам Перикл. Он с грубоватым хладнокровием честного солдата исполнял свой долг,

невзирая ни на какие препятствия. Его речи по своей прямоте, сжатости и сильной логике представляли опасное для соперника орудие. Сам Демосфен избегал меряться с ним оружием, зная, что его острый язык «так и пронизывает вас насквозь». Эти два человека и были предводителями македонофилов, и благодаря влиянию, главным образом, этих людей, к Филиппу было отправлено посольство с целью договориться об условиях мира.

Оно было принято в торжественной аудиенции. Филипп не соглашался вернуть Амфиполис и взамен лишь обещал не трогать Херсонес. Однако посольство осталось этими условиями довольно, и сам Демосфен по возвращении в Афины предложил в сенате наградить послов гражданскими венками и почтить их публичным банкетом. Народ же охотно вторил ликованию своих вождей и в специально созванном собрании не только согласился на требуемое *status quo*, но еще и уступил по другому, более важному пункту, который вновь прибывшие в город послы от Филиппа выдвинули теперь как необходимое условие заключения мирного договора. Дело касалось злополучных фокейцев, которых македонский царь, все еще не отказываясь от мысли завладеть Фермопилами, а затем самой Фокидой, ни за что не хотел включить в договор в качестве афинских союзников. Напрасно Демосфен и другие указывали на то, что исключение этих старых друзей из числа договаривающихся сторон не только составит страшную несправедливость, но и поведет за собой гибель Фокиды, а за ней и всей Эллады; напрасно предсказывали они, что, связав афинян по рукам и ногам договором, Филипп не преминет напасть на Фермопилы, которые фокейцы не в состоянии будут защитить одними собственными силами. Их слова не встречали сочувствия ввиду противодействия со стороны Эсхина и его друзей: македонофилы распускали слухи, что Филипп питает к фокей-

цам тайные симпатии, которые обнаружатся, как только договор будет заключен. Последние взяли верх, и после некоторого раздумья афиняне отреклись от фокейцев, заключив договор в той форме, в какой желал его иметь Филипп. Этим было совершено вероломство, беспримерное в летописях Греции; оно легло несмываемым пятном на репутацию великого афинского народа как одно из самых чудовищных преступлений, какое когда-либо совершало политическое общество.

Дело происходило ранней весной 346 года, и афиняне, приняв все условия договора, назначили новое посольство к Филиппу с тем, чтобы и он принес должную присягу. Время было горячее – нужно было обязательно поспешить, так как в противном случае Филипп, действовавший тогда во Фракии, мог захватить Херсонес и другие города, а затем отказаться возвратить их, ссылаясь на *status quo* договора, входившего в силу только после его ратификации. Но напрасно Демосфен, предвидевший возможность таких осложнений, настаивал на немедленном отъезде: Эсхин и его единомышленники, действуя по инструкциям Филиппа, находили всяческие способы оттягивать поездку и, когда тронулись в путь, отправились сухим путем в Македонию – вместо того, чтобы плыть морем прямо к Филиппу во Фракию, что заняло всего бы пять-шесть дней. Филипп, устроив все свои дела, вернулся в Македонию и стал готовиться к походу на Фокиду. Подготовившись к этому, он, наконец, удостоил трактат своей подписью – в то время, как его войска уже были на юге Фессалии, на расстоянии каких-нибудь трех дней пути от исторических Фермопил. Дальнейшие события легко можно было предвидеть. Фокейцы, не будучи в состоянии защитить проход без помощи афинского флота и, вместе с тем, полагаясь на заверения афинян в доброжелательстве Филиппа, сдали ему без боя Фермопилы, а с ними и всю свою стра-

ну. Войдя в нее, Филипп провозгласил Фокиду частью Македонии. Разгром был страшный – все было разрушено дотла, так что, когда Демосфен проезжал по той местности двумя годами позже, его взорам представился вид неопишемого горя и страданий. Сам Филипп, по-видимому, утратил свою работу и позднее взваливал всю вину на фиванцев, но напрасно: сделавшись почти неограниченным властелином Греции, он мог одним словом остановить мстительные порывы врагов Фокиды. Он этого не сделал – и вся пролитая кровь, все неслыханное насилие пали на его голову несмываемым позором. Предсказания Демосфена, таким образом, сбылись до буквы, и теперь, когда народ воочию убедился в правоте его мнений, его политика и взгляды, казалось, должны были бы приобрести преобладающее влияние на политическую жизнь Афин; к сожалению, этого не произошло.

Когда миновала опасность, народ, убаюкиваемый благами мира и очарованный лестью Филиппа, вернулся к прежней своей беспечности и продолжал следовать советам македонфилов, уделяя речам Демосфена лишь платонические аплодисменты. Это ясно видно из его отношения к процессу, который оратор возбуждал против Эсхина и его товарищей за их изменническое поведение во время второго посольства. Лишь только оно в июне 346 года вернулось обратно, Демосфен, который тогда был членом совета 500, немедленно изобличил в совете роль Эсхина, а затем начал против него процесс, обвиняя его в корыстолюбии и предательстве. Благодаря могущественным связям Эсхина и его единомышленников, дело затянулось на целых три года, и только в 343 году состоялся разбор, привлечший публику со всех концов Греции.

Речь, которую Демосфен произнес по этому случаю, не принадлежит к лучшим образцам его ораторского искусства. Ее аргументы слабы, ее доводы малообоснованны, и можно

видеть, что за отсутствием документальных и других фактических доказательств, оратору нелегко было построить на одних догадках обвинительный акт с надлежащей компактностью и силой. Эсхину поэтому нетрудно было опровергнуть пункт за пунктом нападения Демосфена, и после блестящей защиты он был признан невиновным большинством, при тогдашнем многочисленном составе суда незначительным – в тридцать голосов. Но преданность Демосфена народному делу от этого не уменьшилась. Игнорируя понесенную им обиду, он с той же энергией продолжает борьбу против врага своей заблудшей родины и то объезжает Пелопоннес, агитируя за союз против Македонии, то призывает своих сограждан быть ежеминутно готовыми к возобновлению военных действий. Он в сотый раз изобличает коварство Филиппа, на каждом шагу нарушающего договор своим беспрестанным и насильственным вмешательством во внутренние дела Греции, и разбивает вдребезги аргументы знаменитого ритора Пифона, приехавшего в качестве чрезвычайного посла от Македонии с целью оправдать поведение царя. Он советует финянам хлопотать о внесении некоторых существенных изменений в договор 346 года, тем чтобы в него были включены все без исключения греческие государства, чтобы каждому из них была гарантирована независимость и свобода и чтобы вообще каждая сторона владела тем, что ей принадлежит по праву. Под последним неопределенным пунктом он и его товарищи подразумевали возвращение Филиппом только что захваченного им острова Галонесса, но как по этому, так и по первым двум пунктам афиняне получили решительный отказ.

Тогда Демосфен, предвидя, что дальнейшие проволочки неминуемо повлекут за собой полнейшую изолированность Афин, у которых Филипп, прикрываясь договором, отнимал одни владения за другими, стал открыто агити-

ровать в пользу возобновления войны. В 341 году, воспользовавшись негодованием финян на своего полководца Диопита, начавшего без их разрешения военные действия, он произнес замечательные речи – «О Херсонесе» и «Третью Филиппику», – в которых сказал, что истинным разрушителем мира был сам Филипп, со времени заключения договора ни на минуту не прекращавший военных действий. Он в пламенных красках изобличает его поведение за последние годы и с пафосом и горячим негодованием рисует этого коварного врага, который грозит своими ласками задушить весь эллинский мир. Старания Демосфена на этот раз увенчались успехом, и война Филиппу была объявлена.

Вначале афиняне побеждали, но вспыхнувшая вскоре II Священная война снова дала македонянам решительный перевес. По настоянию Эсхина амфикионийский союз объявил войну жителям Амфиссы, на юге от Фокиды, за вспашку полвека назад Аполлонова поля, и исполнение приговора было возложено на Филиппа как на самого талантливого полководца. Македонцу это было на руку: во главе небольшого, но сильного и преданного войска он проходит форсированным маршем Фессалию, проникает в Фокиду, все еще лежавшую в развалинах, и здесь, вместо того чтобы идти на Амфиссу, сворачивает к Элатье, главному городу этой местности, и превращает его при помощи укреплений и гарнизона в неприступный военный пункт. Оттуда он посылает сказать фиванцам, что идет на Афины, и предлагает им либо соединиться с ним, либо пропустить его через их территорию.

Такая неожиданная диверсия глубоко поразила всех, а особенно афинян: весть об этом, как передает Демосфен, дошла туда вечером, и пританы, сидевшие за ужином, немедленно встали из-за стола, забили тревогу, позвали стратегов и, прогнав народ из базарных лавок, зажгли лотки для скорейшей

очистки площади. Рано утром на следующий день, когда пританы не успели еще обсудить дело в сенате, все места на Пниксе были уже заняты взволнованным народом, не знавшим, что предпринять. Собрание, наконец, открылось, но, несмотря на многократный вызов глашатая, никто не осмеливался встать и обратиться к народу с советом или ободрением. Все взоры обратились на Демосфена, и великий патриот, среди общего гробового молчания, встал и произнес речь. К сожалению, она до нас не дошла, но мы знаем, что сущность ее сводилась к тому, чтобы помешать фиванцам соединиться с царем.

Демосфен с девятью согражданами сам отправляется к старинным врагам Афин и после долгой борьбы с македонскими послами, ценой тяжелых жертв заключает с фиванцами оборонительный и наступательный союз. Радость афинян была так же велика, как и ярость Филиппа, но события вскоре показали, что и та, и другая были неосновательны. К союзной фивано-афинской армии не пристала ни одна первоклассная военная держава Греции, у нее не было ни одного талантливого полководца, и главное командование перешло к Демосфену, который понимал в военном искусстве несравненно меньше, нежели в судебных тяжбах. Надеясь на свои силы, он отослал на помощь Амфиссе отряд в 10 тысяч человек, и Филипп сразу получил перевес. Быстрым движением опередил он этот отряд, взял штурмом Амфиссу и немедленно отправился навстречу главной греческой армии, поджидавшей его на границах Беотии. Здесь, в Херонейской долине, и произошла в августе 338 года знаменитая битва, отдавшая в руки македонскому царю всю Грецию. Тысячи убитых и раненых остались на поле сражения, сам Демосфен бежал, а с ним и два других полководца. Фивы были взяты и разрушены, жители их казнены или проданы в рабство, и Афины сами стали дрожать за свою участь.

К счастью, в эту трудную минуту Демосфен смог поднять упавший дух народа и пламенными речами пробудил в нем деятельность и стойкость. С небывалым энтузиазмом афиняне стали готовиться к борьбе, решившись скорее умереть на поле брани, нежели разделить печальную участь своего союзника: по совету и указаниям своего испытанного вождя, они принялись за укрепление стенами своей гавани Пирея, превратили храмы в оружейные мастерские, объявили всеобщую конскрипцию и вооружили даже рабов и метеков (поселенцев). Эта решимость несколько утратила Филиппа: он принял примирительный тон, предложил возвратить им без выкупа 2 тысячи пленных и город Ороп, некогда отнятый у них фиванцами, и потребовал взамен лишь гегемонии для себя и своих преемников на всю Грецию и на вечные времена. Афиняне согласились, и тем спасли если не свободу и независимость, то, по крайней мере, свой город и свою страну. Этим они были обязаны Демосфену, и афинский народ, наконец, оценил по достоинству патриотизм и заслуги своего вождя, чьим словам он так долго внимал с оскорбительным равнодушием. Его осыпают величайшими почестями, поручают ему в 337 году печальную, но высокую обязанность произнести надгробную речь над павшими в Херонейском бою и постановляют отпраздновать тризну в его доме.

Проходят два года, окутанные непроницаемым мраком, и только с 336 года возобновляются наши сведения о жизни Греции и ее героя. В этом году был убит Филипп, и Демосфен, получив известие об этом неожиданное и радостное событие раньше своих соотечественников, снимает с себя траурную одежду которую он носил по скончавшейся неделе тому назад единственной дочери, и в белом праздничном одеянии, увенчанный цветами, является в народное собрание и поздравляет сограждан со смертью врага и тирана.

Правда, на престол Македонии воссел другой царь; но то был, как считали, мальчик, связанный по рукам и ногам внутренними смутами и наверняка предпочитающий заниматься скорее празднествами, нежели военными походами. Но Демосфен жестоко ошибался: в два месяца этот «мальчик», Александр, уладил семейные и государственные неурядицы и, явившись неожиданно в Греции, привел ее сразу и без борьбы к покорности. Вторая попытка восстания была еще менее удачна. На добытые Демосфеном у персидского монарха деньги афиняне повсюду стали образовывать тайные организации, рассылать эмиссаров и развозить оружие, и в 335 году Фивы первыми подняли знамя мятежа. Но движение было преждевременно: не успели еще фиванцы разделаться с македонским гарнизоном, расположенным в их цитадели, как под стенами явился Александр и, получив отказ на требование капитулировать, взял город приступом. Моментально все государства, в том числе и Афины, поспешили с заявлениями своих верноподданнических чувств, но Александр потребовал выдачи всех вождей национальной партии – Демосфена, Ликурга, Гиперида и семерых других.

Трепет объял греков, поставленных перед такой дилеммой: Фокион от имени своих друзей требовал повиновения царскому приказу, утверждая, что участь государства важнее участи его отдельных граждан, а Демосфен настаивал на отказе, напоминая афинянам басню о волке, который потребовал от овец выдачи собак, как необходимое условие мира, а потом перегрыз все стадо. Его мнение взяло верх, и к Александру было послано посольство с просьбой о пощаде. Царь долго упорствовал, но второе посольство, предводимое благородным и дружественно к македонянам расположенным Фокионом, умиротворило его, и он согласился заменить выдачу упомянутых вожаков остракизмом двух

наименее важных из них. Так плачевно окончилась вторая попытка греков свергнуть македонское владычество, и Греция перестала существовать как самостоятельный политический организм. Тем не менее ее лучшие люди не отказывались еще от своих надежд: одни уехали в Персию, чтобы воевать против Александра, а другие, в том числе и Демосфен, остались в Афинах и по-прежнему продолжали трудиться над упорядочением финансов, переустройством морского и военного дела и поддержанием в народе мужества и революционного духа. В 334 году Александр, усмирив Грецию, отправился на Восток, где и пробыл все остальные одиннадцать лет своей жизни.

За это время преобладающее влияние в политической жизни Греции получили македонофилы, и в волнах наступившей реакции погибли один за другим наиболее выдающиеся патриоты того времени. Демосфен также не был оставлен в покое: начиная с 338 года, со времени Херонейского сражения, он становится предметом беспрерывных нападков и доносов, но все попытки погубить его разбивались о здоровые инстинкты народа, ясно осознавшего события. Македонофилы решили наконец поставить на карту весь свой престиж и выдвинули против Демосфена своего талантливейшего оратора Эсхина. Это произошло по поводу предложения некоего Ктесифона, родственника нашего героя, наградить Демосфена золотым венком за его гражданские заслуги до, а особенно после Херонеи, когда он один, среди всеобщего уныния и малодушия, настаивал на дальнейшем ведении войны и тем спас страну от неминуемого разгрома. Это предложение Эсхин опротестовал как незаконное: оно было сделано не в надлежащее время и мотивировано заслугами Демосфена которые не могли быть признаны за таковые. Вопрос поэтому должен был быть обсужден в суде, прежде чем он мог быть отдан на рассмотрение в народном собрании.

Эсхин понимал всю важность делаемого шага и поэтому решил действовать осторожно, стараясь выждать момент, когда формальное нападение было бы сопряжено с наименьшим риском. Он не доводил дело до суда целых шесть лет, пока усиление реакции в 330 году как следствие героической, но неудачной попытки Агиса Спартанского к восстанию, не показало, что наступило время нанести удар. В назначенный для рассмотрения Ктесифонова предложения день со всех концов Греции стеклось множество народа, чтобы присутствовать при состязании двух знаменитейших ораторов своего времени – двух ярых противников, которые уже не раз мерялись силами, и теперь решили либо пасть, либо погубить друг друга. Первым выступил Эсхин и в своей обвинительной речи, полной резкостей и инсинуаций, очертил всю жизнь Демосфена чуть ли не с колыбели, обрисовал его пороки в самом неприглядном свете, рассмотрел его политическую карьеру до последних моментов и указал на промахи, которые он сделал в качестве политического деятеля. Его речь, ядовитая, но великолепная, оказала сильное впечатление на слушателей.

Но ответ Демосфена повернул мнения судей в противоположную сторону. То была знаменитая речь «О венке» – величайшая, какая когда-либо выходила из уст человека. Невозможно передать здесь содержание этого колоссального произведения хотя бы в сжатой форме: то защищаясь от нападков, то нападая, то возвышаясь до поразительного пафоса, то опускаясь на самое дно шаржа и карикатуры, чередуя гнев и остроты, угрозы и насмешки, увещевания и оскорбления, выражаясь то метафорами, то парадоксами, оратор обзревает всю свою жизнь и публичную карьеру, стараясь показать чистоту своего патриотизма и благотворность своей деятельности. Он защищает политическую программу, которой он посвятил свою жизнь, и доказывает, как

полезна она могла быть для афинян и как гибельна для македонян. Он сознает, что планы его не удалась, но утверждает, что это случилось не по его вине, а по вине его сограждан – а главное, тех из них, чьим представителем является Эсхин. Словом, перед нашими взорами пронесется вся эпоха, в которой пришлось действовать Демосфену – со всеми ее героями и событиями, войнами и интригами, победами и поражениями, и среди всей массы аргументов, фигур и картин ясно выделяются личности оратора и его соперника. Демосфен одержал решительную победу: Эсхин даже не получил достаточного числа голосов, необходимого для защиты от действия закона о недостаточно обоснованных и недоказанных обвинениях, – он должен был уйти в изгнание, где и прожил до конца своих дней. Так неожиданно сошло со сцены одно из главных действующих лиц того Бремена. Демосфен избавился от противника, который более чем кто-либо содействовал разрушению его планов: македонофильская партия, потеряв своего наиболее даровитого вождя, потеряла и свой умственный престиж, а потому и влияние на народ. Демосфен мог бы отныне с большей уверенностью заняться делом возрождения Греции, если бы внезапный случай не положил на некоторое время предел его деятельности и не вверг его в бездну позора,

Мы имеем в виду знаменитый Гарпалов процесс. Сатрап Сирии и Вавилона Гарпал в отсутствие Александра присвоил себе его сокровищницу и явился в Афины, где стал привлекать на свою сторону членов национальной партии, постоянно нуждавшейся в деньгах на организацию восстаний. По предложению Демосфена его наконец заключили в темницу, и деньги – свыше семисот талантов, как заявил сам Гарпал, – были отобраны и помещены на хранение в Акрополь. Спустя некоторое время Гарпал бежал, а казначеи секвестрованных сумм объявили крупный недочет. Стали

думать и гадать, когда и кем были расхищены эти деньги, и наконец остановились на Демосфене и его товарищах, которые не раз получали от Гарпала крупные суммы. Кстати вспомнили, что Демосфен долго скрывал декларацию, сделанную Гарпалом относительно количества при везенных им в Афины денег, и по предложению самого оратора передали дело на исследование ареопагу. Между тем объявилась счетоводная книжка сатрапа, но в ней имени Демосфена как получателя денег не оказалось. Тем не менее, когда после шестимесячного тайного обсуждения и дознания ареопаг обнародовал список провинившихся в этом деле горожан, в нем фигурировал на первом плане Демосфен со взяткой в 20 талантов. Народ был ошеломлен, и на суде наш оратор был присужден к уплате тяжелой пени в 50 талантов, а за неимением ее – к тюремному заключению.

Демосфен был заключен в тюрьму, но вскоре оттуда бежал и тем, казалось, навсегда подорвал свою репутацию как человека и гражданина. События однако решили иначе. В 323 году умер Александр, и Греция как один человек восстала с замечательным единодушием и энтузиазмом. В эту минуту, когда, казалось, новые надежды расцвели в сердцах людей и новая заря блеснула на сумрачном доколе горизонте, народ, естественно, вспомнил о том, кто в прежние годы вдохновлял его своими речами и не раз указывал путь к победе. Демосфен уже несколько месяцев жил в изгнании на острове Эгина: одинокий и всеми покинутый, он, однако, не разочаровался ни в своих идеалах, ни даже в своих согражданах, и как только донеслись до него слухи о национальном пробуждении, он со всем своим прежним увлечением бросился на помощь новому движению, примкнув к посольствам, разосланным по Пелопоннесу, и по-прежнему призывая народ к объединению и борьбе. По предложению Дамона, родственника оратора,

афиняне решили вернуть его из ссылки и послали за ним в Эгину государственную трирему.

Весь народ с архонтами во главе вышел навстречу возвращавшемуся патриоту, и весь путь от Пирея до Афин был одним триумфальным шествием. При восторженных криках народа, среди общего шума рукоплесканий и музыки, счастливый Демосфен в цветах и праздничном одеянии взошел на Акрополь, чтобы воздать хвалу и благодарность бессмертным богам и народу. Это был самый светлый день в его жизни, как свидетельствовал со слезами на глазах сам Демосфен; но – увы! – счастье продолжалось недолго.

Соединенная армия греков сначала имела успех, но после первых побед стала отступать и наконец потерпела сокрушительное поражение при Краноне в 322 году. Афины, душа всего движения, принуждены были просить мира. Антипатр, преемник Александра на македонском престоле, между другими весьма тяжелыми условиями потребовал выдачи Демосфена и его единомышленников. Напрасно афиняне просили пощадить и сжалиться над ними: Антипатр настаивал на своем и Демосфен, видя невозможность иного исхода, решил развязать руки своим согражданам. Он бежал в Калаврию и скрылся в Посейдоновом храме, но вслед за ним погнался некий Архий, бывший комедиант, который стал верным ис-

полнителем воли Антипатра по части розысков и убийств. Он долго не решался осквернить древнее святилище, стараясь выманить оттуда Демосфена добром и обещаниями, на которые Демосфен, намекая на его прежнюю профессию, ответил: «Ни твоя игра не трогала меня раньше, ни твои обещания – теперь». Архий пришел в ярость. «Ну вот, – заметил Демосфен, – прежде ты играл комедию, а теперь – македонского оракула. Подожди же, – добавил он, – пока я напишу родным свое последнее прощание». Он удалился в глубь храма и, вынув навощенную табличку, взял отравленный грифель в рот, словно собираясь писать. Закрывшись хитом и склонив голову на руку, он ждал действия яда, пока Архий, ничего не подозревая, не подошел к нему и не приказал ему следовать за ним. Тогда Демосфен открыл лицо и промолвил: «Теперь ты смело можешь играть Креона (героя в Софокловой драме «Антигона», запрещающего хоронить труп убитого Полиника) и выбросить мой труп непогребенным. Что же до меня, о великий Посейдон, то я оставляю твой храм с дыханием в груди, в то время как македоняне не поколебались бы осквернить его пролитием крови». С этими словами он привстал, сделал несколько шагов и со стоном упал неподалеку от алтаря. Все было кончено – Архий поднял с земли бездыханный труп великого Демосфена.